

Е В Г Е Н И Й А К С Ю Т И Н
ИРИНКИНЫ СКАЗКИ

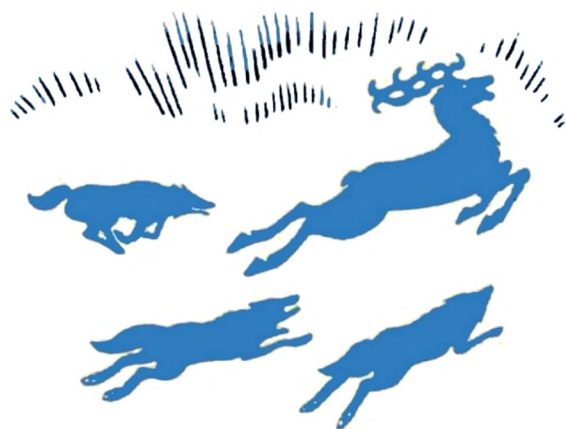

Рисунки В.ИГНАТОВА

**ЕВГЕНИЙ
АКСЮТИН**

ИРИНКИНЫ СКАЗКИ

**КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР 1965**

ИРИНКИНЫ СКАЗКИ

Иринка у нас человек очень даже серьезный. И вопросы у неё далеко не шуточные.

— Отчего солнце жёлто-оранжевое, а луна не такая?..

— Почему у нас, в Заполярье, всё ночь и ночь, а потом всё день и день?..

— Зачем возле речки кусты такие кривые, будто зубы у бабы-Яги?

А отвечать-то на все эти вопросы приходится мне! Сами понимаете, отцу туговато. Я ей толкую обо всякой всячине: и о вращении земли, и о суровых северных ветрах, и о строении вселенной — да куда там! Ни в чём её эти разговоры не убеждают, во всех моих рассказах она не может найти понятную ей, посильную её уму правду.

Иринка не умеет говорить неправду:

— Папка! Это что — сказки такие? Ску-у-учные!

— Скучны тебе мои сказки? Ну что же, придумай сама. Нескучные...

Поговорил — забыл. А вот Иринка, оказывается, не забыла. Подходит она однажды и говорит:

— Папка, а ведь придумала!

А у меня как раз работа спешная, дело помешки не терпит.

— Обожди, — говорю, — у меня сейчас дело важное.

— И у меня важное! — топает ножкой Иринка.

Вот и слушать пришлось.

Сказка о том, как луна с солнцем поспорили

Знаешь, папка, было это в страшно старые времена. Теперь никто об этом не помнит...

— А тебе-то откуда известно?

Усмехнулась хитрющая:

— Я-то зна-а-ю... А ты слушай!

— Ну, ладно, слушаю...

— Тогда солнце и луна были одного цвета — си-и-и-ние...

— Позволь, чому синіе?

— Я же говорила тебе, что никто-никто не помнит. Ты, папка, просто слушать не умеешь!..

Молчу.

„И вот надоело им быть одинаковыми: и днём свет синий, и ночью тоже. Вот солнце и говорит луне:

— Давай-ка, сестра, переменим цвет, а то уж очень скучно на земле людям жить...

Согласилась луна. Долго-долго они цвета выбрали — обоим хотелось поярче стать. И выбрали они жёлто-оранжевый.

Солнце говорит:

— Это мой цвет будет!

И луна говорит:

— Нет, мой!

Спорили, спорили и подрались. Да где там луне против солнышка воевать? Пришлось ей убежать.

А солнце за луной вдогонку. Вот догнало оно луну, стукнуло лучом — от нее кусочек отвалился. Еще стукнуло — еще кусочек упал. И так целых двадцать раз. Остался от луны только маленький кусочек, да и тот под ёлку упал. А под ёлкой-то Михаил Потапыч, старый медведь, девятый сон досматривал.

Искало солнце последний кусочек и опалило Потапычу шкуру. Проснулся тот, зарычал грозно:

— Ах ты, такое-сякое, зачем слабых бьёшь и мне не даёшь!..

Надёрнул рукавицы, сгрёб солнце в охапку и высоко-высоко зашвырнул. Там солнце и сейчас бродит.

А луну звери по всему лесу двадцать дней собирали и кусочки один к одному складывали. Зато теперь так: солнце на небе — луна сразу в тень, чтобы солнышко не заметило. А скрылось солнце — она опять на небо, голубым светом землю заливает.

Но двадцать раз в месяц луна снова по кусочку теряет — плохо её склеили. А двадцать дней звери её снова собирают.

И теперь солнышко луну не может обидеть: высоко его Михаил Потапыч в небо забросил!..

— Вот, папка, дело-то как было!

Почесал я в затылке:

— Ничего не скажешь, — всё правильно...

Сказка о том,
почему у нас в Заполярье
летом день, а зимой и ночь длинны

За окошком пурга третьи сутки метёт, на улицу носа не высунешь. Скучно Иринке в окно, снегом залепленное, смотреть. Призадумалась моя дочка. Подошла ко мне, за рукав взяла, к окну подводит.

— Гляди, папка, это самый главный — Дуй-Заметайло...

— Какой Дуй-Заметайло?

— Который Теплыньчика боится!

— А почему?

— На то сказка есть.

— Так расскажи!

— Ладно.

А сама за спину мою прячется.

— Чего боишься?

— А вдруг услышит, что про него говорят, да и в окошко...

Ну, что же? Возможное дело!

Пошли на диван, сели.

— Слушай, папка...

„Жили-были на свете два ветра: южный, тёплый, его Теплыньчиком назвали, да ещё был северный — сердитка, по имени Дуй-Заметайло.

Теплыньчик такой ласковый был, хороший — каждого обогреет, обласкает. А уж если и расшалится, то только волосы спутает, да потом сам же и разгладит.

А Дуй-Заметайло злой был: то глаза снегом запо-рошит, то шапку унесёт, да ещё и надсмехается:— Ха-ха-ха! Ай да я, Дуй-Заметайло,—здорово ему сыпанул! Ха-ха-ха!..

А день с ночью в то время дружно жили, сутки поровну делили: двенадцать часов—дню, двенадцать—ночи. Только была у ночи противная подруга, она на Северном полюсе жила. Звали её старуха Пурга. И вот начала она ночь подговаривать:

— Разве тебе хватает двенадцати часов?! Бери двадцать, а тому, дню, и четырёх хватит. И не бойся! Я тебе в помощь Дуй-Заметайло пошлю—он сильный...

А у Теплынчика в то время старший брат заболел. Улетел Теплынчик к нему на синее тёплое море. Обрадовалась ночь, и ну на день наступать! А Дуй-Заметайло у старухи Пурги снегу набрал и давай им швырять. Больно дню—стал он к югу отступать, туда, где тундра кончается. Думал он в лесу от Дуй-Заметайло укрыться.

А ночь в тундре радёхонька: целых двадцать часов отдыхала!

Заплакали птицы, стали от ночи да от студёного Дуй-Заметайло следом за днём улетать. Прилетели они к синему, тёплому морю, сели на скалы и плачут. Услыхал Теплынчик знакомые голоса—к птицам подлетел:

— О чём, птички, плачете? Что за беда?

Рассказали птицы всё, как есть. Сильно рассердился Теплынчик, побольше тепла у солнца взял—и назад скорее: решил друга из беды выручать. Налетел на Дуй-Заметайло и давай его теснить. А тот не сдаётся. На сугробах острые заструги делает, чтобы тот больнее порезался.

Теплынчик и руки себе режет, и ноги ранит, а не сдаётся. А за Теплынчиком следом день идёт, ночь гонит.

Вот так и прогнали ночь!

Только не мог Теплынчик больного брата вовсе бросить. Полетел он снова на тёплое море.

А ночь с Дуй-Заметайло тут как тут — опять день теснят. Да вот так и до наших пор это дело ведётся"...

Помолчали мы с Иринкой. Часы уже девять пробили — пора Иринке в постель. Наутро наступила оттепель. Подталый снежок обмяк и пожелтел. Острые вершины сугробов осели, сгладились. Глянул я в окно — как тут не улыбнуться:

— Молодец, Теплынчик!..

Откуда снег берётся?

Тихие дни снежной нашей зимой — дело редкое. А всё же иногда и так бывает: небо низкое, тучи — как на домах шапки надеты. И тихо-тихо. Только снежок, будто осенью листья, всё кружит и кружит.

Пришла Иринка с улицы, капюшон отряхнула. Стало в прихожей мокро. Поругала её мама для приличия.

А Иринка призадумалась. Было сухо — стало мокро. С чего бы это?..

— Папка, а почему снег?

— Наверное, зимой так и полагается.

— А почему?

— Вот именно, почему?

Попробуйте ей ответить!

— Не знаю, — говорю.

— Это плохо.

— Конечно, плохо, дочка, сам знаю. Придумай!

— Придумаю...

И придумала!

„Когда-то на земле снега совсем не было. А земле без снежной шубы холодно: кустикам укрыться нечем, а трава и вовсе леденеет. Зайцы, и те не знали — когда им шкуру менять. А птицам совсем плохо: на юг лететь надо, а не поймёшь, скоро зима или нет. Ведь снег-то не падает!

Собрались все птицы и звери на совет. Надо им как-то осень от зимы отличать! Долго спорили.

Зайцы говорят:

— Надо, чтобы земля круглый год чёрная была. Ведь приходится шкуру менять. А нам неохота...

Птицы говорят:

— Когда земля всё время чёрная — нам худо. Не поймёшь — морозы скоро ли...

Так между собой и не согласились. И решили у самого деда-Мороза совета попросить.

Послали к нему двух послов: старую росомаху да чайку. Отправились они на Север. Через тундру до Карского моря росомаху чайку на себе несла. Зато через море — чайка росомаху "...

— Да откуда ты знаешь, что Карское море близко?

— А ты сам говорил.

Вот ведь и на!

...„А дед-Мороз жил на Новой Земле“...

— Почему на новой?

— А зачем ему на старой жить? Ведь скучно. Сам, небось, новые костюмы любишь...

Есть такой грех, люблю. Потому и молчу.

„Пришли они к деду-Морозу“...

— А он из себя какой?

— Ну, такой... большой, в общем...

— Понятно...

„Пришли и говорят:

— Надо нам, дедушка, зиму от осени отличать, а не умеем. Помогите...

А дед-Мороз добрый был. Только у него страсть такая — морозить.

— Чего же вам надо? — спрашивает.

— Сделай снег.

— А какого цвета?

Вот тут и началось! Росомаху говорит:

— Чёрный нужен.

— Красный, — чайка говорит.

Спорили, спорили — охрипли даже. А знаешь, какой у росомахи нрав злой! Терпела она, терпела — и хватать чайку за хвост. Чайка крыльями взмахнула — и в небо. Обиделась. А над землёй пух: белый, лёгкий, красивый.

Мороз той ссоре не рад. А в небо посмотрел — очень ему понравилось.

— Ладно, — говорит, — ни по-твоему, росомаха, ни по-чайкиному не будет. Сделаю я снег ни чёрным, ни красным: сделаю белым..

А делать из чего? Подумал Мороз. Потом дунул на воду — вода побелела. Достал дед из мешка ветер и говорит:

— Работай!..

И начал ветер работать. Сначала тучи согнал, дверцу в них сделал. Собрал всю воду замороженную и в тучи спрятал. А потом как начал, как начал дуть! И поплыли тучи по небу, будто кораблики.

Проплыли тучи над тундрой — дёрнул ветер за верёвочку. И посыпался снег на землю! Падал он тихо-тихо, как чайкин пух.

Вот и получилось у Мороза красиво. И звери, и птицы стали зиму от осени отличать"...

— Да, — сказал я, — красиво. А всё равно капюшон в коридоре тряхать нужно...

Сказка о том, почему в тундре кусты кривые

Заполярье Иринка наша — старый жилец. Три года с месяцами было ей, когда впервые сюда приехала. Гуляли мы с ней возле маленькой речки, что у посёлка. Подбежала к кустам корявым. Изогнуты они, изверчены, зато зелень на них ярка и празднична. Потрогала малюсенький, кривой ствол:

- Больно ведь им?
- Нет, — говорю. — Наверно, привыкли.
- А кто их так? Баба-Яга?
- Нет, старуха Пурга.
- Она злая! А где живёт?
- А живёт на Северном полюсе.
- А избушка есть?
- Есть. Ледяная.
- Так она и есть баба-Яга. Только северная!

Пришлось согласиться...

А вот этим летом, перед самым отъездом к бабушке на юг, у этих самых кустов и рассказала мне Иринка свою новую сказку.

Начиналась она, как водится:

„Жила-была на Северном полюсе в ледяной избушке злая старуха Пурга. Из всех цветов на свете любила два: белый и голубой. Поэтому были в её царстве снег белый, а лёд — голубой.

Подружилась Пурга с полярной ночью, а день очень

не любила. Гуляет Пурга ночью — всё белым снегом покрывает, реки голубые льдом заковывает. И радуется:

— Ай да я! Какая умница! Очень красиво сделала!..

Однажды подольше загулялась Пурга. И застал её день. Оглянулась Пурга вокруг и охнула. Там травка зелёная из-под снега глядит, там цветочек полярный всё ещё красуется. А выше — кусты ивняка, зелёными листочками покрытые.

— Ну, подождите,—завыла старуха Пурга.— Придёт подруга-ночь, и я вам покажу!..

Долгим показался Пурге этот денёк: надоело в избушке сидеть да зубами скрипеть. А солнышко скрылось — день угас. Весь свет ночь упрятала.

Снова завыла Пурга, заплакала от радости. Бросилась на кусты — и давай их гнуть да ломать! А ивнячок-молодец корешки пошире расставил, ветками подперся и стоит. Гнётся, да не ломается!

Долго старалась Пурга, от кустика к кустику металась, только ничего у ней не вышло.

Вот с тех пор у тундрового ивняка стволы и кривые. Только ни ветры, ни морозы не могут с ним справиться. И старуха Пурга попусту на него налетает“...

В этот день мы с Иринкой долго сидели у речушки. Думали мы о своём, но уважительно поглядывали на упрямые, изогнутые, но попрежнему зеленеющие стволы. Что верно, то верно: гнётся, да не ломается!

Для чего в небе северное сияние

Ночь сегодня ясная, морозная. Звёзды у нас в Заполярье далёкие, но яркие. Иринка мне как-то сказала, что они похожи на шляпки золотых гвоздиков. „Наверно, этими гвоздиками небо прибито“, — объяснила она. Но вдруг звёзды меркнут, будто уступая место дорогому гостю — нежному и чистому северному сиянию. Словами не описать чудесной этой ленты. Связала эта лента всё небо, от края до края. Переливается, сверкает, горит в небе изумительный свет, неуловимо меняя оттенки, радуя и волнуя.

И решили мы с Иринкой придумать сказку про северное сияние.

Вот она, послушайте...

„Кочевал по тундре молодой коми пастух. Кочевал он от пастбища к пастбищу, искал такие места, где ягель-мох, олений корм, погуще да посочнее.

Олени копытами снег разрывают, еду добывают. И растут, и поправляются, пастуху на радость. И был у пастуха в стаде любимый бык по кличке Вожак.

Смело оберегал он стадо от давних оленьих недругов — северных волков.

И сговорились полярные волки:

— Убьём Вожака, тогда и до стада добаться — пустяковое дело...

Решили — сделали.

Вышли они на высокую сопку, повыли для храбрости и бросились к стаду. Собрал Вожак стадо в круг — рога наружу, а важенок*) с оленятами — в середину.

Бросились волки на Вожака, да где им достать! Везде на его рога натыкаются. Долго отбивался Вожак, устал. А волки не отстают. Воют от радости.

— Ага, устал! Наш теперь! Мясо съедим, кости по тундре разбрасаем. А там и до стада доберёмся...

Видит Вожак — нужна волкам его голова. И решил храбрый олень:

— Уведу-ка волков от стада подальше. И дам им страшный бой!

А пастух той порой в соседнее кочевье за новостями на лыжах ходил. Идёт обратно и слышит: в стаде беспокойно. Сорвал пастух ружьё с плеча и торопится на выручку.

Вожак из последних сил выбивается. Вот вырвался он из оленьего круга. Несётся по тундре — от родного стада подальше. Волки — за ним.

А за волками — пастух.

Быстроног он был, да где за стаяй угонишься! И заговорил пастух:

— Солнце! Друг-солнце! Помогай! Не дай Вожаку от волчьих зубов погибнуть!

А солнце-то далеко на юге было. В тундре полярная ночь хозяйничала.

Услыхала пастуха луна. И звёздам про то сказала. От звезды к звезде до солнца горькая весть донеслась: погибает злой смертью храбрый Вожак.

Долго думало солнце: как другу помочь? А Вожак уже из сил вовсе выбился, за спиной у него волчьи зубы стучат.

*) Важенка — олениха-мать.

И придумало солнце! Собрало свои самые сильные лучи, заострило им кончики, как у стрел вострят, и метнуло их далеко на Север. Рассыпались те лучи по всему северному небу — острые концы к земле повернули. Увидали волки такое чудо перепугались, и ну бежать, кто куда...

Вконец загнанный, остановился Вожак, глянул на небо — подогнул колени.

— Спасибо тебе, солнце!

Подбежал пастух, поклонился:

— Спасибо тебе, солнце!..

С той поры время от времени, выходят на заполярное небо солнечные стрелы — северное сияние. Висят они над землёй — высматривают, что где творится.

Где сильный слабого обижает — мигают сердито, будто грозят:

— Смотри!..

— Здесь мы — сторожа и защитники!..

И если на земле всё правильно — снова уходят к солнцу“.

развёл костёр рядом с большим чёрным камнем. Варит он гуся в походном своём котелке. И вдруг этот камень сам костром запылал. Попов испугался и вылил на огонь весь суп из котелка. Так он и остался без ужина.

А от камня он отбил сколько-то кусков. Показал их учёным людям. Те сказали ему, что камень этот волшебный: хранил он в себе самое дорогое — солнечные лучи. А ведь все люди любят солнечные лучи. Само солнце спрятало в камень своё тепло и свет. А теперь оно греет и светит людям в долгие полярные ночи, будто кусочки солнца на землю падают.

„Добрый будет для людей подарок!“ — подумал Попов.

И отправил он тот камень в посылке с коротеньким адресом: „Москва. Кремль. Товарищу Ленину“.

Долго шла посылка. Но не пропал ни один кусочек камня. И лёг камень прямо на стол к Владимиру Ильичу. Как обрадовался Ильич подарку охотника!

И пришёл вскоре в тундру добрый волшебник. Где он ни пройдёт — дома растут, шахты грудь земли пробивают, мосты через реки перекидываются.

И с той поры солнечный камень верно служит людям. Много его в земле спрятано, много хранит он в себе солнечной ласки.

Вот он какой, наш заполярный город! Волшебный!
Вот и сказка вся.

Содержание

Иринкины сказки	3
Сказка о том, как луна с солнцем по- спорили	5
Сказка о том, почему у нас в Заполярье летом день, а зимой и ночь длинны . . .	7
Откуда снег берётся	11
Сказка о том, почему в тундре кусты кривые	15
Для чего в небе северное сияние . . .	19
Сказка о солнечном камне и добром волшебнике	23

для дошкольного возраста

Евгений Иванович Аксютин

ИРИНКИНЫ СКАЗКИ

Оформление обложки и титула В. Пунегова

• • •

Редактор В. Попов

Техн. редактор И. Цивунин

Корректор Н. Адамова

Худ. редактор М. Безносков

Сдано в набор 25/VIII-1965 г. Подп. к печати
20/XI-1965. Бумага 84×108¹/₁₆—0,87 бум. л., 2,87

печ. л. (Уч.-изд. л. 1,5). Тираж 55000.

Заказ № 4224. Ц01632. Цена 7 коп.

Коми книжное издательство. Дом печати.

• • •

г. Сыктывкар, Республикакая типография
Управления по печати

Цена 7 коп.

